В. В. Власова

ОБРАЗ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ «ДРУГИХ»: СТАРОВЕРЫ-СТРАННИКИ В РАССКАЗАХ ВЕРХНЕПЕЧОРСКИХ И УДОРСКИХ КОМИ-ЗЫРЯН

Образы «других» являются неотъемлемой частью фольклорной картины мира, играя значимую роль в (само) идентификации этнических и конфессиональных групп. В ходе непосредственного общения формируются народные представления о конфессиональных особенностях «других», выделяется набор признаков, маркирующих их в качестве таковых. В статье рассматривается формирование и трансформация представлений о конфессиональном «другом» в моноэтнической поликонфессиональной среде на примере староверов-странников, проживавших в Удорском и Троицко-Печорском районах Республики Коми. Источниковой базой исследования послужили архивные данные и полевые материалы фольклорно-этнографических экспедиций, проходивших в начале 2000-х гг.

Появление староверов-странников, позиционировавших себя как хранителей «истинной веры» и стремившихся максимально ограничить контакты с иноверцами, стало толчком для выделения этой группы в качестве конфессиональных «других». На верхней Печоре, на момент проведения исследований, страннические общины существовали; здесь сохранялась идеологическая конфронтация между разными группами верующих, что нашло отражение в различных локальных номинациях странников. На Удоре, где последователи странников исчезли в 1970-е гг., повсеместно использовался экзоконфессионализм, не имевший оценочных коннотаций.

Определяющее влияние на формирование представлений о странниках как о «других» оказали их религиозные практики. Ключевым показателем, характеризующим суть вероучения в глазах конфессиональных соседей, равно как и самих странников, стало «бегство от мира» — полный отказ от участия в государственной и общественной жизни, от любого взаимодействия с иноверцами. Не менее значимыми для системы представлений о данной группе были особенности погребальной обрядности (тайные похороны удорских странников) и крещения (крещение в пожилом возрасте). Закрытость повседневной и ритуальной жизни странников способствовала распространению слухов, компенсировавших отсутствие информации. Изменение исторических реалий (исчезновение удорских странников, изменение возрастного состава общин) вело к изменениям и коррективам существовавших представлений.

Ключевые слова: образ другого, староверы-странники, коми-зыряне, конфессионимы, ритуальные практики.

Понятие «другой» и связанный с ним комплекс идей занимают одно из центральных мест в современных социо-гуманитарных исследованиях, формируя свое проблемное поле в разных дисциплинах (Демидова, 2019: 9). В фольклорно-этнографических работах «другой» выступает как один из элементов оппозиции: свои / чужие, мужское / женское и т. п. В этом контексте значимым направлением исследований остается изучение образов «других», понимаемых как представления о типичном для группы индивиде или группе (этнической, конфессиональной и т.п.), их влияние на коммуникацию (Чеснов, 1991: 58), значимость и функции этих образов. Репрезентации «других» в текстах культуры являются основой для формирования коллективных представлений не только о них, но и о собственном сообществе. Для их описания используется стандартный набор признаков, к которым относятся: язык, особенности внешности, поведения, определенные черты культуры представителей той или иной группы (Белова, 2005: 10; Мороз, 2011: 121). Отмечается, что образ «другого/чужого» является неотъемлемой частью фольклорной картины мира любого народа, при этом его конфессиональный аспект является одним из важных факторов (само)идентификации (Белова, 2005: 8).

Работы, посвященные образу «чужого» (как представителя «другой веры»), в большинстве своем основаны на материалах регионов, где на протяжении длительного времени проживали представители разных этнических и конфессиональных групп. Исследователи анализируют народные представления о «своей» вере, вере и обрядности этнических соседей; выделяют признаки, маркирующие объект и персонаж, как принадлежащие «чужой» традиции (Белова, 2005: 86; Амосова, 2019); рассматривают влияние этих представлений на конструирование социальной идентичности, выстраивание отношений между конфессиональным меньшинством и доминирующим сообществом (Штырков, 2003; Андреева, 2020).

В предлагаемой статье на примере рассказов о староверах-странниках, бытовавших среди коми населения средней Вашки и верхней Печоры, рассматривается формирование и трансформация представлений о конфессиональном «другом» в моноэтнической поликонфессиональной среде, определяются значимые составляющие этого образа. Источниковой базой статьи служат архивные данные и полевые этнографические материалы. Сведения о староверах-странниках содержатся в делопроизводственных материалах дореволюционного (отчеты священников, полицейских приставов) и советского (информационные отчеты ОГПУ и партийных органов) периодов, хранящихся в Национальном архиве Республики Коми. Данные об организации религиозной жизни верхнепечорских староверов содержатся в отчетах этнографических экспедиций 1967–1968 гг., хранящихся в Научном архиве Коми НЦ. Эти записи представляют описания религиозных практик и быта странников (как дореволюционного, так и советского периодов), пересказ сведений о страннических общинах, их руководителях и обрядности. Эти сведения получены в результате опросов местных жителей, иногда приводятся фамилии информантов.

Наряду с архивными используются полевые материалы, собранные автором в ходе фольклорно-этнографических экспедиций, проходивших в Удорском (села Чупрово, Пучкома, Важгорт, дер. Коптюга, Муфтыга, Вильгорт, Острово) и Троицко-Печорском (с. Покча, дер. Скаляп) районах в 1999–2007 гг. Основной целью исследований было изучение истории и современного состояния коми старообрядческих общин. В ходе экспедиций проводились беседы с руководителями местных религиозных общин, верующими, активно участвующими в религиозной жизни местных сообществ, а также старожилами и людьми, которые могли (и хотели) рассказать о местной истории, обычаях и традициях. Результатом работы стали среди прочего аудиозаписи интервью на коми (в большинстве случаев) и русском языках.

История страннического согласия, идеология первых общин и ее эволюция получили освещение в фундаментальных трудах А. И. Мальцева и Е. Е. Дутчак (Мальцев, 1996; Дутчак, 1994). Изучается история появления, распространения и особенности вероучения страннических общин, существовавших в различных районах России, их рукописное наследие (Сморгунова, 2008; Дутчак, 2007; Прокуратова, 2010; Пулькин, 2019). Отдельно можно выделить работы, в которых рассматривается влияние странников на локальные устные традиции: особенности народной терминологии, связанной с этим согласием (Черных, 2018); бытование фольклорных текстов, характеризующих представления об особенностях веры странников, их ритуальных практиках и бытовом этикете (Комарова, 2009).

В коми-зырянских селах, расположенных на средней Вашке (территория Чупровского, Пучкомского и Важгортского с/с Удорского района Республики Коми) и верхней и средней Печоре (сельские поселения на территории Троицко-Печорского, Печорского и Вуктыльского районов) с конца XVIII в. получило распространение учение староверов-поморцев. В конце XIX века староверы, проживавшие совместно с последователями официальной церкви, составляли около 40 % населения удорских сел и более 70 % населения верхне- и среднепечорских. По официальным документам поморцы, проживавшие в этих районах, числились прихожанами местных церквей. В конце XIX — первой половине XX вв. на Вашке и на Печоре активную миссионерскую деятельность начинают вести сторонники наиболее радикального старообрядческого согласия — истинно-православные христиане странствующие.

Странники рассматривали «бегство от мира», предполагавшее отказ от гражданских документов и от любых контактов с иноверцами, как единственно возможный вариант сохранения чистоты веры и жизни в условиях существующего «царства антихриста». До 1930-х гг. страннические общины объединяли коми и русских единоверцев (на Удоре — русских из Каргополья, на Печоре — из Чердынского края). Согласно «народной молве», число ИПХС в 1912 г. Важгортской волости достигло 400 человек; по сведениям полицейского урядника в 1914 г. в с. Чупрово, дер. Верхозерье, являвшимися центрами странничества, проживало 46 человек (НАРК. Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 79об, 98.). Вероятно, последние цифры более близки к истине: удорские странники входили в состав Каргопольского предела и не могли обособиться, поскольку не располагали необходимым числом единоверцев (не менее 100 человек) (Прокуратова, 2010:54). Численность странников на верхней и средней Печоре была значительно выше: в начале 1930-х гг. в лесах по притокам Печоры было обнаружено около 300 человек, из которых около 150 были местными жителями (коми) (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. Л. 32–35). Ликвидация скитов на Печоре началась в первой половине 1930-х гг., в 1936 г. проходят аресты удорских странников и странноприимцев. Репрессии нанесли значительный урон странническим общинам Удоры, с этого момента здесь проживали лишь отдельные сторонники данной конфессии (коми по национальности). На верхней и средней Печоре страннические общины функционировали до середины 1960-х гг., а небольшие группы странников сохранились до начала 2000-х гг. (Власова, 2010: 27, 57). По наблюдениям Ю. В. Гагарина, в середине 1960-х гг. на верхней и средней Печоре независимо друг от друга существовали две группы странников (коми и русские), первые поддерживали контакты с единоверцами из Архангельской и Вологодской областей, вторые — подчинялись наставникам из Пермской области (Гагарин, 1971: 115–116). В начале 2000-х гг. наши информанты говорили о странниках как о местных жителях: родственниках, односельчанах или жителях соседних деревень, не вспоминая о том, что ранее в местных кельях и скитах проживали и русские последователи этого учения.

В ходе экспедиций были зафиксированы внешние конфессионимы странников — *скрывшей, крывшей уд., скритники печ. Найёсда скрывшей, скритноя оліны, светё из пентавы крывшей* ‘они скрывшей, скритно жили, в мир (досл. на свет) не выходили’ (Удорский район). Очевидно, что слова *скрывшей, крывшей* является фонетической адаптацией русских слов *скритники, скритые*, которые зафиксированы как наименования странников в Каргополье (Комарова, 2009: 304, 307). Для информантов на Удоре этот конфессионим не имел оценочной составляющей: так их называли и те информанты, чьи родственники приняли странническое крещение, говорившие о *крывшей* как о глубоко верующих людях.

Иная ситуация наблюдалась на Печоре, где сторонники страннического учения проживали в начале 2000-х гг. Часть местных жителей, староверы и люди, планирующие принять странническое крещение, называли странников *православными, странствующими, христианами*, последователи странников называли себя *истинно-православными*. *Миян деревнян <...> и старообрядческёйыс, и православно́йыс и истинно-православно́йыс* ‘в нашей деревне <...> и старообрядцы, и православные и истинно-православные». *Найё абу староверьяссё, вот менам чой, ыджыд чой менам, сийё век объясняйтис ... ми на странствующей кутшёмкё. Найёслён вера. Абу старовер, староверьяс найёсдё куча-куча оліны. А тайёс ветлёлёны, свободно́я* ‘Они не староверы, вот моя сестра, старшая сестра, всегда объясняла ... мы странствующие какие-то. Их вера. Не староверы, староверы они кучей живут (вместе со всеми). А эти странствуют, свободно’ (ПМВ 3, жен., 1965 г.р.). Термин *скритники* был зафиксирован как номинация странников от верующих РПЦ. *Подчеремын эм жэ татшём вераыс ... скритникьяс* ‘В Подчерье есть такой же веры ... скритники’ (ПМВ 3, жен., 1925 г.р.). Люди, планировавшие принять странническое крещение, рассматривали подобные номинации как неприемлемые. *«Но кодикё шуё мыйкё ... коді веритё сылы, значит на ног олёны, а коді оз — скритникён шуёны, но сія безгрешной»* ‘Кто и говорит что-то ...,

кто им верит, значит живет как они, а кто нет — скритниками называют, но они безгрешные' (ПМВ 3, жен., 1937 г.р.). Существовавшее самоназвание (*истинно-православной*) демонстрирует, что верхнепечорские странники по-прежнему претендовали на особый статус в религиозной сфере, подчеркивали «истинность» своей веры: *и старообрядческойыс, и православнойыс и истинно-православнойыс ставыс ѓти: и книгаыс ѓти, и постъясыс ѓти <...> а вот сыдзсѓ оз пырны, потому что пѓ наяѓс сюрѓмны мыйнѓ <...> потому что наялы сдایتчыны вѓлі, ная петісны ... осквернитісны 'и у старообрядцев, и у православных и у истинно-православных все одинаковое: и книги одинаковые, и посты одинаковые <...> а вот так-то не становятся [странниками], потому что они [староверы] попались <...> потому что они сдались, они вышли ... осквернили'* (ПМВ 3, жен., 1937 г.р.). Хотя уровень знаний об особенностях собственного вероучения невысок, среди странников по-прежнему существовало представление о том, что только они сохранили веру в чистоте, тогда как другие не смогли этого сделать. Несколько иначе смотрели на их вероучение последователи русской православной церкви, *вичкѓ вера* (досл. церковная вера). *Батьѓ вичкѓас и служитлѓма, и вичкѓас и вѓлі сьылѓ, и вичкѓас и велѓдчыллѓма<...> да сійѓ шуѓ <...> йѓзыс эз велѓдчѓны, книгаыс кыздкѓ лыддѓны, кыткѓ гѓгѓрвоѓны, кыткѓ оз гѓгѓрвоны, а сѓсся йѓзлы висьталліны ... книга ѓд лыддин да, колѓ висьтавыны, колѓ ѓъяснитны правильнѓ, а неправи́лнѓ висьтаван — пѓръясем лѓѓ <...> батьѓ вѓлі шуѓ ... мыйкѓ революцияѓдыс эз вѓв, ставѓн вичкѓѓ ветлісны <...> А мян тан кум вера да, коді кодлы веруйтѓ ... быдѓн ассис ошкѓ-ошкѓ, ойѓ ѓта-мѓдсѓ ненавидитѓны. 'Отец в церкви и служил, в церкви и пел, в церкви и учился, он и говорит: люди не учатся, книги как-то читают, где-то понимают, где-то не понимают, а потом людям говорят ... книгу прочитал, так надо рассказать, надо объяснить правильно, а неправильно расскажешь — обман будет <...> отец говорил ... до революции не было их, все в церковь ходили <...> А у нас тут три веры, так кто кому верует ... каждый свое хвалит, друг друга ненавидят'* (ПМВ 3, жен., 1919 г.р.). Ссылаясь на авторитет отца, являвшегося одним из активных прихожан покчинской церкви, информант подчеркивала безосновательность претензий странников на особый статус в местном сообществе. Она отметила, что странники появились на верхней Печоре не так давно, а их вероучение связано с ошибочной трактовкой книжных текстов, обусловленной отсутствием у толкователей необходимых знаний и образования.

Отказ странников от общения с внешним миром («бегство от мира»), являлся одним из основных критериев для их (само)идентификации. На протяжении всей истории существования этого согласия на Удоре и Печоре, представители светских властей видели в их проповедях необходимости «побега» угрозу общественному порядку. Полицейский при́став указывал, что учение удорских странников заключается в отрицании государственности, православия и семейных устоев: «в мире царствует антихрист и этот антихрист — русский царь, поэтому всячески надо скрываться от него и его правительства» (НАРК. Р-1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 35 об). В 1930-е гг. возбуждаются уголовные дела против удорских и печорских странников за ведение контрреволюционной агитации (призывы спасаться в лесах, не признавать и не подчиняться власти, не регистрироваться в сельсоветах, не вступать в колхозы) (НАРК. П-1. Ф. 1. Оп. 3. Д. 236. Л. 90–93; НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 15–19). В середине 1960-х гг. в докладной записке о деятельности религиозных объединений в Коми АССР уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви писал о странниках как о «запрещенной законом секте», поскольку они отказывались от получения пенсий, медицинской помощи и любого участия в общественной жизни (НАРК. Р-1451. Оп. 1. Д. 110. Л. 15–17).

В рассказах местных жителей жизнь странников, «ушедших от мира», была связана с молитвенными трудами. *Улын крывшей бабъес оліны, а вылын вѓдзѓ Ыджыд лунсѓ крывшейѓс молитчины вылын, керка тырыыс ... ёнысь, зѓв молитчины 'Внизу женщины скритницы жили, а наверху на Пасху скритники молились, дом полный ... сильно, очень*

много молились' (ПМВ 1, жен., 1915 г.р.). *Ачыс желайтасны, сэттиём коді монастырь да, мый да ... йӧз мирской да общей вичкой ветлӧны асы желайтны сыдзсӧ <...> Келля асьныс и строиталасны <...> специально, татӧн ӧні выим же детдом сідз жӧ ... детдом моз воомаӧсь ... молитчӧны да бытъӧ воасны бур странаӧ <...> быдлаысь вӧлі: Муктыысь, Коптыысь, Вьльгортысь <...> келляын сіес веруйтӧны, пӧльес и бабьес оліны сэн, узьгажӧма он думайт 'Сами желали, такие, кто в монастырь да что ... мирские люди в общую церковь ходят, а они желали так <...> кельи сами и строили <...> специально, здесь ведь есть сейчас детдом [интернат для школьников в селе — В. В.] так же наподобие детдома было <...> молились, будто придут в хорошую страну <...> отовсюду были: из Муфтыги, из Коптыги, из Вьльгорта <...> в кельях они веровали, старики и женщины живут там, о ночных удовольствиях не думаешь' (ПМВ 1, жен., 1915 г.р.). *Пыртчасны, деньга оз босьтны сія, сія веруйтӧ ёна, казённой деньга оз позь босьтны, сідз деньгатӧг олӧны.* 'Когда покрестятся, деньги они не берут, они очень верующие люди, деньги от государства нельзя им брать, так без денег живут' (ПМВ 3, жен. 1925 г.р.). «Вступают туда [в истинно-православные] в преклонном возрасте, отказавшись от всего: семьи, паспорта, медицинской помощи, пенсии ...проживают в дер. Скаляп» (НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 739. Л. 17). Для жителей Удоры «уход от мира» странников был связан с отказом от семьи и общения с иноверцами, молитвенной жизнью в тайных кельях. На верхней Печоре он характеризовался более конкретно, с учетом современных реалий: это не только отказ от контактов с иноверцами, проживание в удаленной келье, но и отказ от документов и любой социальной помощи, предоставляемой государством.*

Информация о жизни странников в кельях и скитах была весьма ограничена, что создавало благоприятную ситуацию для возникновения слухов. Бытование слухов обусловлено их значимостью для общества, внутри которого они имеют хождение: для него они понятны, имеют смысл и потому распространяются (Джонстон, 2011:25). Отступления (реальные или мнимые) от декларируемых правил «жизни в пустыни» становились предметом обсуждения, поводом для критики странников и их вероучения. Страннические общины Удоры и Печоры до середины 1930-х гг. объединяли людей разного пола и возраста. Правила страннического устава запрещали совместное проживание в одном доме женщинам моложе 40 лет и мужчинам моложе 50 лет. В исключительных обстоятельствах («в случае скудности местов, следующих для прожития») допускалось совместное проживание при соблюдении ряда условий (Прокуратова, 2010: 55). Записанные полицейским приставом в 1908 г. на Удоре, работником ОГПУ в 1925 г. на верхней Печоре «слухи», «антигосударственной и антиобщественной» сущности страннического учения включают сведения о сексуальной распущенности, царящей в страннических кельях. «По слухам, известно они, скрытники и скрытницы, собираются в потаенных подвалах для половых сношений, каковые поступки в их среде называются «свальным грехом». Но изобличить, обнаружить ничего подобного не удавалось» (НАРК. Р-1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 71об). «Недавно организовалась новая секта «скрытников», которая отличается от других тем, что позволяет иметь половые сношения брата с сестрой, матери с сыном и не признает никакой власти» (НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 399. Л. 15об). Отметим, что слухи зачастую становились основой для конструирования образа странников официальными властями, чтобы подчеркнуть антиобщественную, антигосударственную суть страннического вероучения.

В середине 1960-х гг. рассказы о странниках-мужчинах, посещавших женские кельи, были записаны на верхней Печоре (НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. Л.), встречаются они в каргопольских записях начала 2000-х гг. (Комарова, 2009: 310). В 1999 г. рассказ о нарушении странниками запрета на половые контакты был записан от мужчины средних лет. Присутствовавшая при этом рассказе пожилая женщина (мать рассказчика) отметила, что никогда о таком не слышала. *Шуам, оз позь гӧтыркӧд узьлыны, вӧдзӧ бытъӧкӧ крӧватсьыс, гӧтырыс джоджын узьӧ инӧ, а ачис крӧватьын узьӧ, да крӧватсьыс бытъӧкӧ усьӧ*

нарöишнö. Паденьö ой лоö сия ‘Скажем нельзя с женой спать, будто бы с кровати (упал), жена на полу спит, так, а сам на кровати спит, да с кровати будто падает, нарочно. Это и есть ночь паденья’ (ПМВ 1, муж., 1958 г.р.). Термин *паденьö ой* переводится как «ночь паденья», при этом русское слово «паденье» сохраняется неслучайно, его можно трактовать и как конкретное физическое действие (падение с кровати), и как символическое падение (грехопадение). Показательно, что информант говорит о странниках как о семейной паре (муж, жена), а не как о посторонних людях, что свидетельствует об отсутствии у него каких-либо сведений об организации внутренней жизни страннических общин. Информанты старшего возраста еще помнили о страннических кельях, в которых могли совместно проживать мужчины и женщины, *мужикъес и бабаес, девушкаес, том девушкаес овліны, скрытнöйес* ‘мужчины, женщины, девушки, молодые девушки жили, скрытно’ подчеркивая, что *келляын сіес веруйтöны ... узьгажöма он думайт* ‘в кельях они молились ... о ночных удовольствиях не думаешь’. С середины 1950-х гг. «мироотречниками» и на Удоре, и на Печоре становились люди преклонного возраста или тяжелобольные (Гагарин, 1971: 118). Изменение возрастного состава сделало рассказы о нарушениях (реальных или мнимых) плотской чистоты, имевших место в страннических кельях неактуальными, что объясняет отсутствие подобных рассказов на Удоре и верхней Печоре в начале 2000-х гг. В это время на верхней Печоре фокус критики странников сместился на нарушения декларируемого ими отказа от любых контактов с государством и обществом. *Дугöдчалісны пензионеръясис пенсиясьыныс, да кытчö сійö деньгасö коді воитö? Сія öд оз воитыны сылысь. Сэсся дугöдчалöны, грек пö сьöкыд шүö ..., а коді сэсся босьтас пошта вывсьыс деньгасö, нарадитöнысö мöдöдны том йöзöс.* ‘Перестают пенсионеры пенсию получать, так куда они деньги, кто теряет? Они ведь не теряют свою [пенсию]. Потом перестают, говорят, что тяжкий грех, а кто тогда забирает с почты деньги, научились, отправляют молодых’ (ПМВ 3, жен., 1925 г.р.). В ходе бесед с церковно-православными отмечался формальный «отказ от мира»: пенсию за «мироотреченца» получают его молодые родственники, сами они пользуются покупными продуктами и вещами, хотя и говорят, что «ничего брать нельзя» (НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 739. Л. 20). «Уход от мира», рассматривавшийся как единственно возможный путь спасения, неизбежно привлекал особое внимание конфессиональных соседей. Отсутствие информации о жизни мироотреченцев компенсировалось слухами, которые можно рассматривать и как своеобразную форму критики группы, претендующей на особый статус.

Особенности страннических религиозных практик, крещения и погребения, занимали важное место в существовавшей системе представлений о данной группе. В начале распространения страннического вероучения «истинное крещение» принимали люди разных возрастов. С середины 1950-х гг., как было отмечено ранее, странническое крещение принимали люди преклонного возраста, зачастую в случае тяжелой болезни, перед смертью, тогда как среди поморцев и верующих РПЦ было принято крестить младенцев. *Кулны пондас — пыртасны, кулігас пыртасны сійö, ним вежасны сійö — ладинеч лоö, мöд нима, ... пыртысис вöлі Скаляпись сэні лэдчöдлöма ... пыртчины пö лэдчöдисны Скаляпін* ‘Будет умирать — крестят, перед смертью крестят, имя меняют ему — младенцем становится, с другим именем ... тот [человек], кто крестит, был из Скаляпа [деревня ниже по Печоре], туда увозили, в Скаляп’ (ПМВ 3, жен., 1925 г.р.). *Ва новлі ме бочкаöн, сіеслön специально асланыс крывшейыслön бочка вöлі, сэтчö ме ог тöд новлі может ведра кызь-комын <...> сійö купайтім да, муь пасьтöді сійö, сидз и кулі* ‘Я воду в бочку носила, у них, скрытников, специальная бочка была, я туда, не знаю, ведер двадцать — тридцать принесла <...> его купали [крестили], да во что одела, в том он и умер’ (ПМВ 2, жен., 1915 г.р.). В то же время и на Удоре, и на верхней Печоре при желании родных крестить могли и тяжелобольного младенца. *Сійö крывшей бабъес пыртöмаöсь, дай крывшеййöс и дзебöмаöсь ... сійö тятейыс чужсö, да мян сійö мыйкö пона висьöмön висьö* ‘Его [младенца] женщины крывшей крестили, да крывшей и похоронили ... она [мать] ребенка родила, да у нас он поносом (?) заболел’ (ПМВ

1, жен., 1935 г.р.) *Сія висьталіс, ми пö лэдчöдлім, висьмин пö да, Скаляпö, кор чужі, крещеньö вылас, арöсыс, ме ог тöд, вöлі-эз, висьмин пö кулыдча да, лэдчöдлім... да бергöдчин пö бөр, эн пö кул да, значит и эз креститны ...* ‘Она (мать) рассказывала, мы сплавлялись в Скаляп, чтобы крестить, ты заболела, после рождения, не знаю год был или нет, заболела чуть не до смерти, увезли ... да повернули обратно, не умерла, значит, не будут крестить ...’ (ПМВ 3, жен., 1937 г.р.).

О. Белова отмечает, что похороны являются наиболее открытым в общественном отношении ритуалом, который можно наблюдать и сравнивать со «своим» обрядом (Белова 2005:185), чего нельзя сказать о погребениях удорских странников. «Тайные похороны» становятся объектом пристального внимания односельчан с момента появления учения истинно-православных христиан на Удоре. «Умерших хоронят глубокой ночью в таких местах, где могил их обнаружить невозможно. Между тем некоторые из крестьян Важгортской волости, не старообрядческого толка, иногда высказывали предположения, основанные на народной молве, касательно умерщвления бегунами умирающих. Но никаких данных нет. Старообрядцы же, не скрытники, считают слухи об упомянутых умерщвлениях нелепыми» (НАРК. Р-1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 71). Замечание пристава о том, что разные группы верующих по-разному относятся к слухам о погребениях бегунов, объясняется различным отношением и уровнем знаний представителей этих групп о вероучении странников. Староверы-поморцы имели более полное представление об идеях странников благодаря диспутам – «беседам», проводившимся между наставниками этих согласий (Власова, 2010: 29). Представители поморского согласия с большим пониманием, нежели последователи официальной церкви, относились к желанию странников совершать погребения без участия иноверцев.

В начале 2000-х гг. о погребениях, на которые не приглашались иноверцы, проходивших «тайно», рассказывали как об одной из главных особенностей веры удорских странников. *Крывшöйеслön, шуам, кодкö кулö, дзебасны войын, мед некöд оз и тöд, кытчö нуöдасны ягö, отдельнöй кладбище из вöв <...> мыськасны миян моз жö, пасьтöдасны и мöдöдасны неизвестнö местöй кытчöкö и похоронитöны* ‘У крывшей, скажем, кто-то умрет, хоронят ночью, чтобы никто не знал, унесут куда-то в лес, отдельного кладбища [у них] не было <...> обмывают также как мы, одевают и отправляют в неизвестное место, куда-то и хоронят’ (ПМВ 1, жен., 1918 г.р.). *Сійö крывшей бабъес пыртöмаöсь, дай крывшеййöс и дзебöмаöсь, оз тöд мамö, кытчö и похоронитöмаöсь ... вöтьтi му горулас да кытчö да дзебалалісны, кладбищитиöй из дзебны крывшейессö <...> некутишöм чульк абу, он и тöд сія, вокö сэтöн куйлö* ‘Его крывшие крестили, да крывшие и похоронили, не знала мама, куда они похоронили ... раньше возле полей <досл. под полями> да куда-то они хоронили, на кладбище крывших не хоронили <...> креста нет ... никакого холмика нет, она и не знала, что брат там лежит’ (ПМВ 1, жен., 1935 г.р.). По мнению жителей удорских сел, вера *крывшей* отличалась тем, что умерших тайно погребали, как правило, в ночное время, при этом сведения о том, где похоронен человек, принявший «истинное крещение» могли скрыть даже от родственников-иноверцев. Сохранились рассказы и о якобы имевших место захоронениях странников в подвалах домов. *Там, говорят, под домом хоронили, крывшей даже не выносили из дому <...> дом старый крывшей, я очень боялась, сейчас разберем да какие-то кости найдем ... ничего не нашли* (ПМВ 1, жен., 1966 г.р.). Рассказы о тайных похоронах, проходивших по ночам, были записаны от нестарообрядческого населения каргопольских сёл (Комарова, 2009: 332–335). В поликонфессиональных районах Пермского Прикамья, где странники проживали дисперсно, также бытовали рассказы о тайных похоронах (Черных, 2018: 104).

Появление староверов-странников, позиционировавших себя как хранителей «истинной веры», стало толчком для выделения этой группы в качестве конфессиональных «других» на Удоре и Печоре, причем схожая ситуация наблюдалась и в соседних районах (Чердынский край, Каргополье). Уровень знаний конфессиональных соседей об основных поло-

жениях вероучения странников, как и отношение к ним, были различными, что определило неоднозначность суждений о них. Сохранявшаяся на верхней Печоре идеологическая конфронтация между разными группами верующих нашла отражение в локальных номинациях странников: термин *скрытники* употреблялся церковно православными, староверы и странники обычно пользовались терминами *православной*, *христиане*, сами странники — *истинно-православной*. На Удоре, где последователи странников исчезли в 1970-е гг., повсеместно использовался экзоконфессионализм *крывшей*, не имевший оценочных коннотаций. Религиозные практики странников, значительно отличавшиеся от обрядности староверов-поморцев и последователей русской православной церкви, оказали определяющее влияние на формирование представлений о данной конфессиональной группе как о «других». Ключевым показателем, характеризующим суть вероучения как для конфессиональных соседей, так и для самих странников, стала практика «бегства от мира», предполагавшая полный отказ от участия в государственной и общественной жизни, от любого взаимодействия с иноверцами. Закрытость повседневной и ритуальной жизни истинно-православных способствовала распространению слухов, компенсировавших отсутствие информации. Для местных жителей слухи были одним из способов получения сведений о жизни странников, формой выражения общественного мнения, а также способом его формирования. Изменение исторических реалий (исчезновение удорских странников, изменение возрастного состава общин) вело к изменениям и коррективам существовавших представлений.

Список источников:

- НАРК. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 236. Информационные сообщения управления НКВД по Коми области. 01.06.1936 — 25.09.1936.
- НАРК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 399. Доклад о партийном, советском, хозяйственном и культурном состоянии области. 03.04.1925 — 31.10.1925.
- НАРК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 304. Циркуляры Вологодского губернатора о представлении сведений о вероисповеданиях. 23.09.1905 — 02.05.1914.
- НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 110. Переписка по вопросам русской православной церкви и религиозных культов. Справки и отчеты Уполномоченного Совета по Коми АССР. 01.01.1964 — 31.12.1964.
- НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. **Гагарин Ю. В., Дукарт Н. И.** Научный отчет об этнографической экспедиции 1967 г. в Троицко-Печорский район Коми АССР по теме: «Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление». 1967.
- НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. **Гагарин Ю. В.** Научный отчет Печорского этнографического отряда по итогам полевых исследований в 1968 г. в г. Печора, в Печорском и Ухтинском районах Коми АССР, в Чердынском районе Пермской области. 1968.
- НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 739. **Власова В. В.** Отчет о полевых экспедиционных исследованиях Северного этнографического отряда в Троицко-Печорском и Усть-Цилемском районах Республики Коми. 2007.
- ПМВ 1. Полевые материалы Власовой В. В. / Удорский район 1999.
- ПМВ 2. Полевые материалы Власовой В. В. / Удорский район 2000.
- ПМВ 3. Полевые материалы Власовой В. В. / Троицко-Печорский район 2007.

Литература:

- Амосова С. Н.** Образ еврея в фольклоре неевреев (на материалах этнографических экспедиций на Украину, в Белоруссию и Латвию) // Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов: в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 251–265.
- Андреева Ю. О.** Соседство с «другим»: контакты, сети и границы (на примере молокан Армении) // Кунсткамера. 2020. № 4 (10). С. 157–167.
- Белова О. В.** Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: «Индрик», 2005. 288 с.
- Гагарин Ю. В.** Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление (по материалам конкретно-социологических исследований). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. 255 с.

- Демидова Е. В.** О ценности Другого в философии поступка М. М. Бахтина через призму современных дискуссий о Другом // Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов: в 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 9–30.
- Джонстон Т.** Слухи в СССР сталинского времени // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. / Ред. И. В. Нарвский и др. Челябинск: Каменный пояс. 2011. С. 17–27.
- Дутчак Е. Е.** Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX — XX вв.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Томск, 1994. 276 с.
- Дутчак Е. Е.** Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 410 с.
- Комарова В. А.** Рассказы о староверах и скрытниках // Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Под ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. С. 293–395.
- Мальцев А. И.** Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
- Мороз А. Б.** «Свои» и «чужие» святые: к вопросу о формировании культа святых // Рябининские чтения-2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 121–124.
- Прокуратова Е. В.** Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: «Пушкинский дом». 2010. 528 с.
- Пулькин М.** Старообрядцы-странники во второй половине XIX — начале XX в. (на основе отчетов каргопольских миссионеров) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3). С. 207–222.
- Сморгунова Е. М.** Пермские староверы-бегуны и их правила жизни (по рукописям Пермской коллекции МГУ) // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 300–321.
- Черных А. В.** Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура. Т. 19. № 5. 2018. С. 97–109.
- Чеснов Я. В.** Этнический образ // Этнознаковые функции культуры / Ред. Бромлей Ю. В. М.: Наука, 1991. С. 58–85.
- Штырков С.** Стратегии построения групповой идентичности: община сектантов сууботников в станице Новопривольная Ставропольского края // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 266–286. (Академическая серия, Вып. 11).

Власова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

**Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра
Уральского отделения РАН.**

Ул. Коммунистическая, д. 26, г. Сыктывкар, Республика Коми, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com

Материал поступил в редакцию 19 марта 2021 г.

V. V. Vlasova

THE IMAGE OF THE CONFESSIONAL OTHERS: OLD-BELIEVERS WANDERERS IN THE ORAL HISTORY OF THE UPPER PECHORA AND UDORA KOMI-ZYRYANS

The images of the Others are an integral part of the folklore worldview, also they play a significant role in the (self) identification of ethnic and confessional groups. Folk ideas about the confessional characteristics of the Others, as well as a set of features that allowed to mark them as the Others are formed in the course of direct communication. The article examines the formation and transformation of ideas about a confessional Other in a mono-ethnic and poly-confessional environment, using the example of Old-Believers Wanderers who lived in the Udorskiy and Troitsko-Pechorskiy districts of the Komi Republic. The article based on the archival data and field materials of folklore and ethnographic expeditions that took place in the early 2000s.

The emergence of Wanderers, who were positioning themselves as keepers of the «true faith», and striving to limit contacts with non-Wanderers as much as possible, became the impetus for singling out this group as confessional Others. On the upper Pechora, where at the time of our research Wanderer's communities existed, the ideological confrontation between different groups of believers were still persisted, that was reflected in various local nomination of Wanderers. On Udora, where the followers of the Wanderers disappeared in the 1970s, an outer nomination of this confessional group was widely used, which had no evaluative connotations.

Their religious practices had a decisive influence on the formation of perceptions of the Wanderers as Others. The key indicator that characterizes the essence of the religion of the Wanderers in the eyes of their confessional neighbors, as for Wanderers themselves, was «flight from the world» – a complete refusal to participate in state and social life, and to have any interaction with representatives of the other faith. No less significant for the system of ideas about this group were the features of the funeral rituals (secret funerals of Udora' Wanderers) and ritual of baptism (baptism in old age). The closedness of the daily and ritual life of the Wanderers contributed to the spread of rumors, which compensated the lack of information. Objective changes of the reality (the disappearance of Wanderers communities of Udora, the change in the age structure of the communities) led to changes and adjustments of the existing ideas.

Keywords: *the image of the Other, Old-Believers Wanderers, Komi-Zyryan, nominations of the confessional group, rumors, ritual practices.*

Sources:

- NARK. F. P-1. Op. 3. D. 236. Informatsionnye soobshcheniia upravleniia NKVD po Komi oblasti [Information of the NKVD administration on the Komi region]. 01.06.1936 — 25.09.1936.
- NARK. F. P-1. Op. 2. D. 399. Doklad o partiinom, sovetskom, khoziaistvennom i kul'turnom sostoianii oblasti [Report on the party, Soviet, economic and cultural state of the region]. 03.04.1925 — 31.10.1925.
- NARK. F. R-7. Op. 1. D. 304. Tsirkuliary Vologodskogo gubernatora o predstavlenii svedenii o veroispovedaniakh [Circulars of the Vologda Governor on the submission of information about religions]. 23.09.1905 — 02.05.1914.
- NARK. F. R-1451. Op. 1. D. 110. Perepiska po voprosam russkoi pravoslavnoi tserkvi i religioznykh kul'tov. Spravki i otchety Upolnomochennogo Soveta po Komi ASSR [Correspondence on issues of the Russian Orthodox Church and religious cults. References and reports of the Plenipotentiary of Council on the Komi ASSR]. 01.01.1964 — 31.12.1964.
- NA KNC. F. 1. Op. 13. D. 159. **Gagarin Iu. V., Dukart N. I.** Nauchnyi otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii 1967 g. v Troitsko-Pechorskii raion Komi ASSR po teme: «Religioznye perezhitki v Komi ASSR i ikh preodolenie» [Scientific report on the 1967 ethnographic expedition to the Troitsko-Pechorskii region of the Komi ASSR on the topic: «Religious remnants in the Komi ASSR and their overcoming»]. 1968.
- NA KNC. F. 1. Op. 13. D. 167. **Gagarin Iu. V.** Nauchnyi otchet Pechorskogo etnograficheskogo otriada po itogam polevykh issledovaniy v 1968 g. v g. Pechora, v Pechorskom i Ukhtinskom raionakh Komi ASSR, v Cherdynskom raione Permskoi oblasti [Scientific report of the Pechora ethnographic detachment on the results of field research in 1968 in the city of Pechora, in the Pechora and Ukhta districts of the Komi ASSR, in the Cherdynsky district of the Perm region]. 1969.
- NA KNC. F. 5. Op. 2. D. 739. **Vlasova V. V.** Otchet o polevykh ekspeditsionnykh issledovaniakh Severnogo etnograficheskogo otriada v Troitsko-Pechorskom i Ust'-Tsilemskom raionakh Respubliki Komi [Report on the field expeditionary research of the Northern Ethnographic Detachment in the Troitsko-Pechora and Ust-Tsilemsky Districts of the Komi Republic]. 2007.
- PMV 1. Polevy materialy Vlasovoi V. V. [Field materials of Vlasova V.V.] Udorskii raion. 1999.
- PMV 2. Polevy materialy Vlasovoi V. V. [Field materials of Vlasova V.V.] Udorskii raion 2000.
- PMV 3. Polevy materialy Vlasovoi V. V. [Field materials of Vlasova V.V.] Troitsko-Pechorskii raion 2007.

References:

Amosova S. N. Obraz evreia v fol'klore neevreev (na materialakh etnograficheskikh ekspeditsii na Ukrainu, v Belorussiiu i Latviiu) [The image of the Jew in the folklore of non-Jews (on the materials of ethnographic expeditions to Ukraine, i

Belarus and Latvia)] // *Drugoi v literature i kul'ture: sb. nauch. trudov: v 2 t* [The Other in literature and culture: collection of articles. In 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. P. 251–265.

Andreeva Iu. O. Sosedstvo s «drugim»: kontakty, seti i granitsy (na primere molokan Armenii) [Neighborhood with the "Other": contacts, networks and borders (on example of the Molokans of Armenia)] // *Kunstkamera*. 2020. № 4 (10). P. 157–167.

Belova O. V. O «zhidakh» i «zhidovskoi vere» v narodnykh predstavleniiakh vostochnykh slavian [«Jews» and «Jewish faith» in the folk ideas of the Eastern Slavs] // *Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga* [Own or another? Jews and Slavs through the eyes of each other] / *Otv. red. Belova O.V.* Moscow: Dom evreiskoi knigi, 2003. P. 160–175. (Akademicheskaya seriya, Vyp. 11).

Belova O. V. Etnokul'turnye stereotipy v slavianskoi narodnoi traditsii [Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. Moscow: «Indrik», 2005. 288 p.

Gagarin Iu. V. Religioznye perezhitki v Komi ASSR i ikh preodolenie (po materialam konkretno-sotsiologicheskikh issledovaniy) [Religious remnants in the Komi ASSR and the way to overcome them (based on materials of sociological surveys)]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 255 p.

Demidova E. V. O tsennosti Drugogo v filosofii postupka M.M. Bakhtina cherez prizmu sovremennykh diskussii o Drugom [On the value of the Other in the philosophy of the act of M. M. Bakhtin through the prism of contemporary discussions about the Other] // *Drugoi v literature i kul'ture: sb. nauch. trudov: v 2 t*. [The Other in literature and culture: collection of articles. In 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. P. 9–30.

Dzhonston T. Slukhi v SSSR stalinskogo vremeni [Rumors in the USSR of Stalin's time] // *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i «krutye povoroty» rossiiskoi istorii: Sb. st.* [Rumors in Russia in the 19th — 20th century. Informal communication and «big turns» in Russian history: collection of articles] / *Red. I. V. Narvskii i dr.* Cheliabinsk: Kamennyi poias. 2011. P. 17–27.

Dutchak E. E. Staroobriadcheskoe soglasie strannikov (vtoraia polovina XIX–XX vv.) : dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Old Believer religious group Stranniki (second half of the 19th — 20th century): thesis ... of a candidate of historical sciences] : 07.00.02. Tomsk, 1994. 276 s.

Dutchak E. E. Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.) [From «Babylon» to «Belovodye»: Old Believers Stranniki's taiga communities' opportunities for adaptation (from the second half of the 19th to early 21st century)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007. 410 p.

Komarova V. A. Rasskazy o staroverakh i skrytnikakh [Stories about Old Believers and Stranniki's] // *Kargopol'e: Fol'klornyi putevoditel' (predaniya, legendy, rasskazy, pesni i prislovia)* [Kargopol'e: Folklore Guide (traditions, legends, stories, songs and sayings)] / *Pod red. A. B. Moroza*. Moscow: OGI, 2009. P. 293–395.

Mal'tsev A. I. Starovery-stranniki v XVIII — pervoi polovine XIX v. [Old Believers Stranniki's in 18th — first half 19th century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. 268 p.

Moroz A. B. «Svoi» i «chuzhie» sviaty: k voprosu o formirovaniy kul'ta sviatyykh [«Own» and «Other» saints: on the question of the formation of the cult of saints] // *Riabininskie chteniya-2011. Materialy VI konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabinin's readings — 2011. Materials of the VI conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN, 2011. P. 121–124.

Prokuratova E. V. Staroobriadcheskaya kul'tura Komi kraia XVIII — XX vekov: knigopisnaya deiatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov [Old Believers Culture of the Komi area in the 18th — 20th centuries: book writing and literary work of Udora Old Believers]. St. Petersburg.: «Pushkinskii dom». 2010. 528 p.

Pul'kin M. Staroobriadtsy-stranniki vo vtoroi polovine XIX — nachale KhKh v. (na osnove otchetov kargopol'skikh missionerov) [Old Believers Wanderers in the second half of the 19th — early 20th century (based upon reports of Kargopol missionaries)] // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2020. № 38 (3). P. 207–222.

Smorgunova E. M. Permskie starovery-beguny i ikh pravila zhizni (po rukopisiam Permskoi kollektsii MGU) [Perm Old Believers-Runners and their rules of life (based on the manuscripts of the Perm collection of Moscow State University)] // *Russkie staroobriadtsy: iazyk, kul'tura, istoriya: Sb. statei k XIV Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Russian Old Believers: language, culture, history: Articles for the XIV International Congress of Slavists] / *Otv. red. L. L. Kasatkin*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. 2008. P. 300–321.

Chernykh A. V. Narodnaya terminologiya staroobriadcheskikh soglasii v russkikh traditsiyakh Prikam'ia: beguny (stranniki) [Folk terminology of Old Believer in the Russian traditions of the Kama region: Runners (Wanderers)] // *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. T. 19. № 5. 2018. P. 97–109.

Chesnov Ia. V. Etnicheskii obraz [Ethnical image] // Etnoznakovye funktsii kul'tury [Ethno-sign functions of culture] / Red. Bromlei Iu. V. M.: Nauka, 1991. P. 58–85.

Shtyrkov S. Strategii postroeniia gruppovoi identichnosti: obshchina sektantov suubotnikov v staniitse Novoprivol'naia Stavropol'skogo kraia [Strategies for building group identity: the community of sectarians of subbotniks in the village of Novoprivolnaya, Stavropol area] // Svoi ili chuzhoi? Evrei i slaviane glazami drug druga [Own or another? Jews and Slavs through the eyes of each other]. M.: Dom evreiskoi knigi, 2003. P. 266–286. (Akademicheskaiia seriia, Vyp. 11).

Vlasova Victoria Vladimirovna, candidat of historical science, senior research fellow.

RAS, Ural Branch, Komi Science Center, Institute of Language, Literature and History.

26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: vv505@hotmail.com